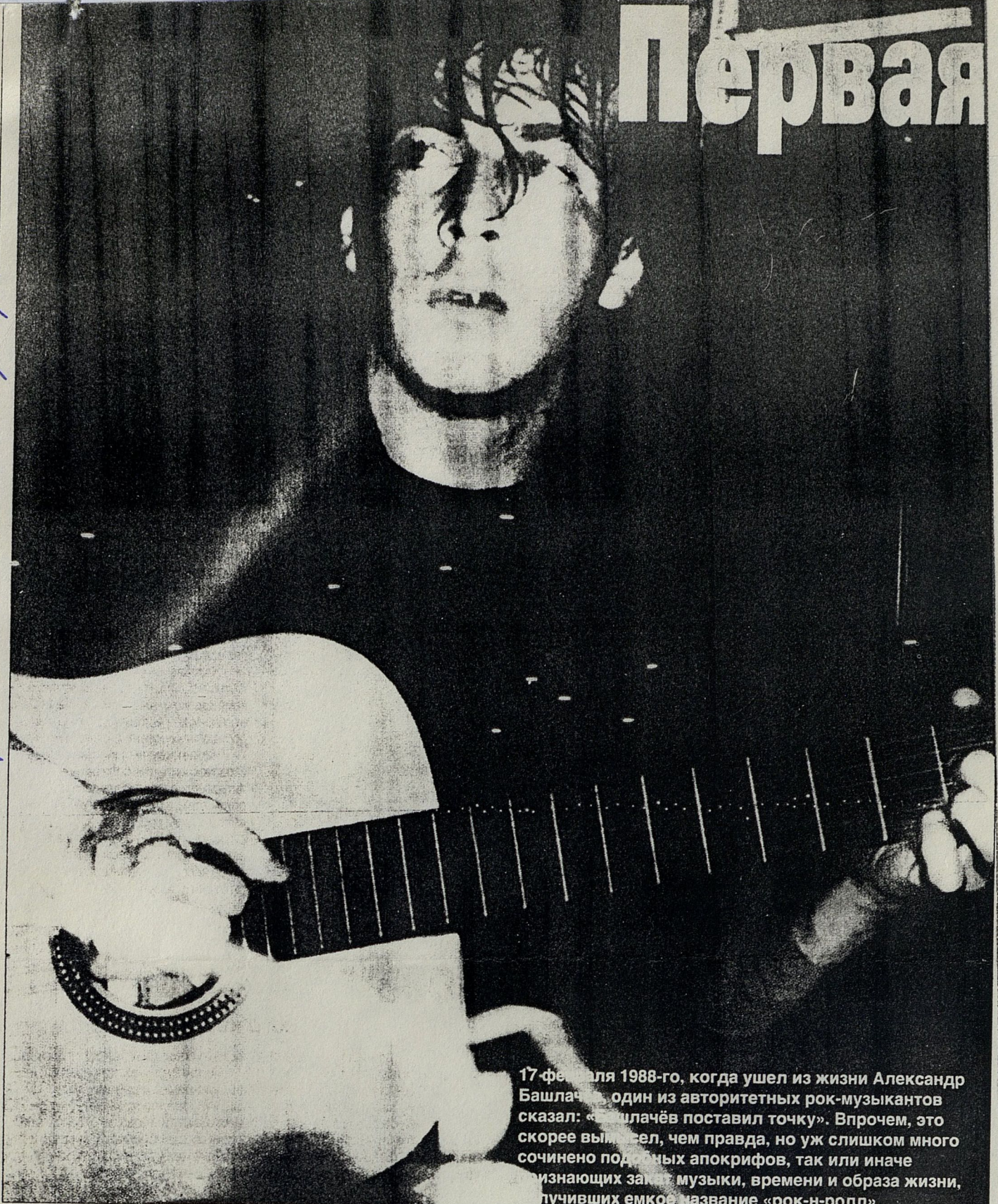

Первая газета - 19-25 фев

Первая

17 февраля 1988-го, когда ушел из жизни Александр Башлачев, один из авторитетных рок-музыкантов сказал: «Башлачев поставил точку». Впрочем, это скорее вымысел, чем правда, но уж слишком много сочинено поданных апокрифов, так или иначе признающих закат музыки, времени и образа жизни, получивших емкое название «рок-н-ролл».

Башлачев

— Именно вы в свое время нашли Башлачева в Череповце, привели и дали толчок к тому, чтобы он попал в столицы и стал известен широкой рок-общественности.

— Это было в сентябре 84-го года. Башлачев работал в череповецкой районной газете, занимался журналистикой, но, как и следовало, занимался ею не слишком рьяно, поскольку его интересовали совсем другие вещи. Башлачев уже тогда писал стихи, песни и, когда мы с ним познакомились, был очень любопытен, расспрашивал меня о Гребенщикове, Майке Науменко, Цое, о каких-то западных людях. Так бывало очень часто, когда приезжаешь в провинцию — в то время информации было очень мало. Но в его устах эти расспросы звучали по-другому: с одной стороны, в них не было никакого заискивания, а с другой — было видно, что он и сам очень много знает. Это был очень редкий случай, когда я почувствовал, что с безвестным райцентровским журналистом мы говорим абсолютно на равных, и поэтому он мне ужасно понравился. Мы с ним долго гуляли по Череповцу, он показывал мне старые районы города, места, где жили Игорь Северянин и Федор Сологуб, — замечательные прогулки... А вечером того же дня у Лёны Парфенова мы сели втроем выпить-закусить, и он спел свои песни, в том числе и «Время колокольчиков», которую тогда только-только сочинил.

Тут уж у меня совсем крыша поехала от радости. И в дальнейшем мы с ним тоже близко и трогательно дружили: он был прекрасным парнем во всех отношениях.

Но в общем и целом я могу сказать, что у меня очень мало друзей среди музыкантов. «Артистизм» — это талант совершенно определенного рода, и он вовсе не подразумевает, скажем, того, что человек умен или остроумен. Или того, что много знает. Или того, что с человеком вообще интересно общаться.

— Музыканты в этом смысле, как футболисты?

— Как футболисты, как ученые, как бизнесмены. Их талант очень часто имеет природу некоммуникационного плана. То есть если они общаются с людьми, то делают это посредством той музыки, которую они пишут, или того, как они играют. Я читал интервью Джимми Хендрикса, крупнейшего рок-музыканта второй половины

XX века. — очень косноязычные и банальные, из которых трудно заключить что бы то ни было. Весь его талант ушел в музыку. То же самое можно сказать о многих великих музыкантах. Я уж не буду вспоминать о Моцарте, который, вопреки трагедии Пушкина, был, как известно, в ментальном отношении, человеческом — почти на грани слабоумия.

Башлачев являлся исключением: он был все же скорее поэтом, нежели музыкантом, и был прекрасно эрудирован. Разговаривали мы с ним часами, совершенно этих часов не замечая. У него была масса каких-то своеобразных теорий — и языковых, и духовных. Я боюсь, что эти разговоры никогда не записывались — мне это даже в голову не приходило, поскольку я никогда не относился к нему по-журналистски. Как друг и помощник — да, я помогал ему с концертами и с какими-то контактами, но никогда не видел в нем объекта, скажем, интервью.

— То есть Башлачев был белой вороной?

— Любимый талант — это белая ворона. А Башлачев из всех знакомых мне людей ближе всего подходил к моему представлению о том, что такое гений. Кстати, второй человек, близкий к гениальности, тоже уже покойный, Сергей Курехин. Он был фантастическим собеседником. Хотя, как правило, общаться с музыкантами во внесценическом контексте не слишком интересно.

— А ежели заодно выпить — в коммуникативных целях?

— Ну, выпить кто не любит... Выпить, естественно, можно — другое дело, что, на мой вкус, ценность пьяных разговоров приближается к нулю. Это такой кавказский синдром, когда во время застолья все кажется безумно возвышенным и важным, все признается друг другу в любви и клянутся в вечной дружбе, а на следующее утро даже не могут вспомнить имен. При том, что моменты этого пьяного воодушевленного сближения, естественно, очень приятны, но с похмелья именно от этого бывает еще более противно. Так что привычка к пьяному общению — это как раз один из тех факторов, которые меня отвращают от общения с музыкантами. По пьяни оно сводится в первую очередь, конечно, к дружному лобзанию того же Джимми Хендрикса и прочих общих любимцев, а также к столь же дружному обсеру всяческой «попы позорной». Все это — потеря времени.

Сам Башлачев назвал это время «временем колокольчиков» и оказался первым, волей-неволей позволившим причислить себя к легендам. Уже потом не стало Майка Науменко, лидера группы «Зоопарк», погиб Виктор Цой. Оставшиеся — собирают стадионы, ездят на войну, получают престижные премии, ведут телевизионные программы и выпускают сборники текстов песен. Однако, похоже, каждый из них готов согласиться, что Башлачев поставил точку — первую точку в непомерно длинном оттопии.

Сегодня Башлачев получил признание настоящего и даже — десять лет слишком малый срок — гениального поэта (он единственный, чьи стихи печатались в толстых литературных журналах). Во многом это случилось благодаря Артемию Троицкому, автору знаменитой книги «Рок в СССР», устроителю подпольных концертов и полуофициальных фестивалей, в течение нескольких лет ведущему программы «Кафе Обломов» на телевидении и «FM Достоевский» на радио, ко всему прочему еще и основателю русской версии «Плейбоя». Артемий ТРОИЦКИЙ не только любит рок-музыкантов, но и хорошо знает цену каждому. Ему — слово.

— Возвращаясь к Башлачеву: есть мнение, что, попав в Питер, он не то чтобы встретил некое неприятие, но как бы не совсем был допущен в сложившийся круг рок-истеблишмента. Вот точка зрения, высказанная в книге Алексея Дидурова «Солдаты русского рока»: «Его довольно холодно принял Ленинград, и он сам трудно с ним свыкался». Так ли это?

— Нет, он был допущен в рокерский круг — и очень быстро. У него были близкие дружеские отношения с Цоем, с которым он одно время работал в знаменитой

кокегарке. Он очень дружил с Костей Кинчевым и Славой Задерием. И даже один раз, я помню, мы пришли вчетвером в гости к Пугачевой, и они втроем — Башлачев, Кинчев, Задерий — дали замечательный концерт в ее гостиной. Я знаю, что не сразу, но спустя некоторое время к нему проникся Курехин и даже хотел с ним вместе работать над звукозаписью — правда, это произошло где-то году в 87-м, когда тучи уже сгустились.

Я думаю, что единственный человек, с которым у него были непростые отношения, — это Гребенщиков, причем вся непростота этих отношений исходила скорее от Гребенщикова. Саша был очень большим его поклонником, что вызывало во мне даже некоторую иронию, поскольку я сам относился к нему без телячьего восторга. Они общались, но у меня все время было легкое ощущение, что Борис его ревнует и, может быть, слегка завидует. Я думаю, что Боря просто чувствовал, что Башлачев может и уметь то, что ему не под силу. Я не уверен — это все слишком тонкая и деликатная материя, — и это единственный намек на какую-то отчужденность и настороженность, которые могли быть в Питере по отношению к Башлачеву.

Виктор Цой

ТОЧКА В ОТТОЧИИ

Десять лет назад родилась знаменитая рок-легенда

Кстати, некоторые интересные и талантливые люди Башлачёва тогда не принимали вообще. Скажем, Вася Шумов из «Пентра» его активно не любил, и один раз они не то чтобы подрались, но столкнулись. Но тут уже, я думаю, наша коса на камень: то были два диаметрально противоположных взгляда на рок. Шумов и Высоцкий терпеть не мог, так что его отношение к Башлачёву было абсолютно логичным.

— Как вы думаете, если бы Башлачёв что-то такое перетерпел еще пару лет, стиснул бы зубы и перешел через рубеж 90-х, то, может быть, и сейчас был бы жив?

— Саша покончил с собой в начале 88-го — время было совсем не мрачное, самые веселые годы, пик перестройки и гласности. Но дело в том, что для него это не имело значения, поскольку он жил в своем времени. Я не думаю, что его среда заела или, тем паче, он таким образом реагировал на какие-то изменения социальной, политической или экономической обстановки. Он жил в своей вселенной — гораздо более сложной. Настоящие поэты живут по законам, которые нормальным людям вроде меня абсолютно неведомы, и я не берусь их не то что судить — не берусь даже и объяснять.

Макаревич и Гребенщиков

— Давайте перейдем к Макаревичу и Гребенщикову, тоже поэтам, и кое в чем они совпадают. Романтический Макаревич никогда особо не бунтовал, не бузил, но все-таки в былые годы в его песнях прочитывался некий подтекст против вешизма, потребительского отношения к жизни. Теперь он вовсю рекламирует всяческие «самсуни». Гребенщиков когда-то пел насчет «больших машин», которые проезжают мимо «Сайгона»...

— «А большие люди в больших машинах — но я не хотел бы быть одним из них».

— Вот-вот. Что же случилось: они оказались в этих «больших машинах» и стали «большими людьми».

— Я не стал бы ставить знак равенства между Макаревичем и Гребенщиковым. Скажем, Боря, как я только что узнал, машину продал, чтобы оплатить свою последнюю американскую запись. Как что его материальное положение на самом деле является не таким уж блестящим. Другое дело, что я абсолютно уверен в том, что и был бы рад, если б у него и машина осталась, и денег было навалом, ведь на самом деле ничего плохого в этом нет. Я тоже никогда не был сторонником вешизма, арьеризмом, накопителем, делая — тем не менее у меня все в поядке с материальными благами, слава Богу, что это так. Намного жнее не те вещи, которые человека окружают, а те мысли, которые при этом роятся в его голове.

С Макаревичем ситуация, может быть, чуть хуже. Если для Боба творчество, самовыражение, какой-то духовный промысел по-прежнему бесспорно стоят на первом месте в списке приоритетов, то Макаревич не без азарта занимается задачами от творчества в высшей степени далекими. Я не осуждаю ни за это, ни — тем более — за унитарную передачу, поскольку русно поесте любят многие, и, на мой взгляд, это не менее достойная форма творческой деятельности, нежели пение. Но то, что Андрей не пускает ни одной возможности заработать деньги и относится к этому не как к неизбежному злу, а как серьезному позитивному занятию — вот это мне не очень нравится.

В этом слишком много раздвоения личности и скрытой шизофрении. Конечно, некоторые группнейшие музыканты — например, Мик Джаггер и Дэвид Боуи — тоже занимаются бизнесом, в том смысле, что они зарабатывают очень много денег немusыкальским способом. Но как они это делают? И у того, и у другого есть очень мощные, так называемые «райненшл эдвайзеры» — и они просто-напросто поручают этим людям проводить какие-то операции, скупать акции, а сами в это не вникают.

Во-вторых, тот же Боуи тратит огромные деньги на коллекционирование произведений искусства, — насколько я знаю — ему это приносит ничуть не меньше радости, чем работа над новыми планками. А вкладывать деньги в вод по переработке окорочков... кое приложение капитала большим артистом разочаровывает.

— В давней уже книге «Рок в СССР» вы писали, что вам не совсем «вкусу» эклектика Гребенщикова...

— Эклектизм органичен, если искренен. Всегда любопытно наблюдать за тем, как один и тот же человек проходит через разные фазы и пробует на себе разные маски, — именно поэтому я всегда был большим поклонником Дэвида Боуи в роке и Майкла Дэвиса в джазе, великих эклектиков. Что касается Бориса, то боюсь, что период эклектизма в его творчестве закончился уже очень давно — по крайней мере, если говорить о музыке. Последние музыкальные эксперименты «Аквариума» относятся, по-моему, к середине 80-х годов, и уже более десятилетия Борис музыкально маневрирует на крайне узком пространстве...

— Хорошо маневрирует.

— Что на самом деле совсем неплохо, поскольку это пространство ему необычайно дорого и близко и он его идеально освоил.

Что же касается тематики песен — он по-прежнему откликается на события окружающего мира, причём делает это критично и не без юмора. Я ценю Боря за то, что он продолжает писать песни в русле «Древнерусской тоски», фелетонные сочинения, которые сильно не вяжутся с его образом просветленного гуру и даже принижают его, — замечательно, что он не боится этого делать. В его положении как раз было бы проще всего уйти в облака с концами, но для меня это было бы очень скучно. И то, что он не брезгует вот такими газетными песнями, я считаю его огромным человеческим и гражданским достоинством.

— А как человек он вам интересен?

— Да. Так же, как Макаревич. Разумеется, в наших отношениях есть какие-то затемненные места и маячат, выражаясь английской метафорой, какие-то скелеты в шкафу. Но и Гребенщиков, и Макаревич мне близки и интересны, это люди, с которыми я не хотел бы терять человеческого контакта.

— В чем их главное достоинство?

— Их главное достоинство как собеседников и собывальников состоит в том, что они умные ребята. Я уже говорил о том, что можно быть талантливым музыкантом — и при этом скучнейшим в общении человеком. А Борис и Андрей все-таки не настоящие музыканты, и именно поэтому с ними интересно общаться.

— Поясните, что значит не настоящие?

— Они не настоящие музыканты в том смысле, что они, в первую очередь, люди не звуковой, а речевой культуры.

— А что вам интереснее?

— Мне интересно и то, и другое — просто это действует на разные рецепторы, проникает в разные клетки. Звуковая культура работает в первую очередь на чувства, на моторику, а культура словесная — на интеллект. Я считаю, что в правильном человеческом рационе должно быть и то, и другое — желательно хорошего качества.

Майк и Цой

— Для рок-музыкантов существует проблема схода с круга. Когда лидер группы ради собственных творческих амбиций оставляет своих соратников, им бывает трудно обрести новую команду.

— Я думаю, что проблема схода с круга стоит в основном перед теми музыкантами, которые имели узкую специализацию, переставшую быть актуальной. Скажем, музыке стиля «хард энд хэви» (расчитанную на подростков) после сорока лет можно исполнять только с очень существенной долей цинизма, как это делает «Кисс». Но иногда на это не находится спроса. Что сейчас делают участники наших знаменитых «металлических» групп, я понятия не имею. Хотя уверен, что они, наверное, продолжают предпринимать какие-то попытки.

С течением лет перед рок-музыкантами встают две основные проблемы. Первая — внутренняя, а именно то, что они взрослеют, становятся все менее и менее органичными в контексте той музыки и того стиля жизни, которые составляли их религию в юности. Проблема вторая — это каким образом оставаться на гребне волны и продолжать привлекать внимание, а еще

лучше иметь успех. Оба эти вопроса, естественно, коррелируют друг с другом, но очень часто оказываются в противофазе, то есть люди понимают, что, для того чтобы иметь успех, надо законсервироваться. Как это происходит с Миком Джаггером и многими другими — они всячески молодятся, несмотря на то что уже давным-давно выросли из проблем тридцатилетней давности. Джаггер все-таки не большой поэт и не большой музыкант — он фантастический артист, причем артист характерный. А характерному артисту менять амплу на старости лет — безумно сложно. Но другие артисты не боятся взрослеть, не боятся ломать свои творческие принципы и артистический образ в соответствии с тем, что диктуют им взрослые годы.

— Вот наш Кинчев отошел от былого inferнального плаката и нашел какие-то новые ходы. Макаревич может столь же абстрактно-романтически, как и двадцать лет назад, распевать про какой-нибудь остров, уходящий в туман. А, допустим, легендарная «Дрянь» покойного Майка Науменко из группы «Зоопарк» — она сегодня когонибудь способна заинтересовать?

— Это потрясающая лирическая

Майк Науменко

песня. Я вообще считаю, что, в отличие от работ других наших очень видных рокеров, песни Майка не утратили своей свежести ни на йоту. Да, он был первым, кто открыто зашел о сексе, а сейчас этим никого не удивишь и не шокируешь. Но когда Майк писал «Пригородный блюз» или «Трах в твоих глазах», он не хотел удивить и шокировать — он пел это абсолютно искренним, естественным, натуральным образом. А все эти проблемы — они остались. И бабы стервы остались, и юношеская похоть, и дачное блядство, и все те замечательные бытовые романтические приключения, о которых пел Майк, — все это существует. Может быть, в сегодняшней жизни это принимает несколько иные технические формы — но чувства и ситуации остались неизменны. Тогда как многие песни Кинчева или «ДДТ» того периода действительно были написаны на злобу дня и, может быть, сегодня выглядят, как архивные экспонаты.

— Но я боюсь, что «нынешняя молодежь» Майка не знает.

— Это уже проблема нынешней молодежи. Главное, что, в отличие от молодежи пятнадцатилетней давности, у них хотя бы есть возможность выбора. Если они захотят, то могут пойти в магазин или киоск звукозаписи — и, я уверен, Майка с «Зоопарком» рано или поздно там отыщут. Разумеется, это будет происходить без помощи телевидения и даже радио — но тем не менее.

— Эволюция так или иначе происходит — как, допустим, с Цоем, который попал, что называется, в лапы к Айзеншпису и начал петь, что «моя девочка больна», сбавив смысловой градус.

— Не согласен. Я абсолютно уверен в том, что на собственно творчестве Цоя, на том, какие песни он писал, влияние Айзеншписа никак не сказывалось. Зная самого Айзеншписа, могу сказать, что это человек, который в субботу внутреннее и личные дела артистов не вмешивается. Он интересуется другими вещами. Если говорить о негативной роли Айзеншписа в жизни Цоя — то она могла быть только в том, что он перегрузил ребят концертами, а Цой по природе своей человек очень статичный. Но смею заверить, что никаких закатных тем, цензуры или прочего попсового императива над Цоем не дошло.

— Есть такой анекдот — о чукче, который пришел на концерт «Аквариума». Пришел раз — ничего не понял. Пришел еще — опять ничего. Пришел в третий раз — снова ничего не понял и создал группу «Кино».

— Не могу сказать, что анекдот мне сильно понравился, хотя Гребенщиков, я, безусловно, повлиял. И то, что песни Цоя понятнее, чем песни Гребенщикова, соответствует действительности. Но

у нас считается, что анекдотические чукчи очень тупые — а такими я песни Цоя ни в коем случае не считаю. И точно так же не сомневаюсь в том, что песни Гребенщикова Цой очень хорошо понимал, тем более что они близко дружили. Кстати говоря, если к Башлачёву Гребенщиков всегда относился с долей настороженности, то к Цою — абсолютно восторженно, как добрый восхищенный папаша относится к делающему большие успехи сыну.

— Он не считал Цоя конкурентом?

— Может быть, и поэтому. А возможно, потому, что они росли более или менее на одном огороде, и если творчество Башлачёва могло показаться Гребенщикову — как и мне — непостижимым и недостижимым, то в песнях Цоя все было более или менее понятно. Что, впрочем, не уменьшает их достоинств.

Троицкий

— За вашу значительную роль в рок-движении вас в свое время прозвали акушером этого дела...

— Был акушер, а стал гинекологом.

— И вот теперь вы частенько пишете о поспе, заседаете в соответствующих жюри, а вас довольно многие попрекают: эх, дескать, Тёма, до чего ж ты докатился... Типа: «ну, душка Троицкий». В этом есть какая-то сермяжная правда? Или это скорее ностальгия по прошлому?

— Как констатация факта это абсолютно справедливо, и действительно я занимаюсь многими вещами, которые с моим героическим рок-н-рольным прошлым никак не связаны. Я совершенно не гнушаюсь общаться ни с попой, ни с фотомоделями.

— Ну, фотомоделями грех гнушаться.

— Ничего позорного в этом не вижу. Потому что важно не то, чем ты в данном случае занимаешься, с кем общаешься, а то, как ты это делаешь: профессионально или бездарно, увлеченно или равнодушно. И важно, что это дает тебе и читателям-зрителям. Мне скучно сектантство. Еще в период акушерства у меня были споры и столкновения с догматически настроенными людьми из рок-лагеря, которых возмущало, что человек, открывший дорогу Цою и помогающий Гребенщикову, пропагандирует Жанну Агузарову и группу «Браво», что-то попсовое, позорное, поверхностное и развлекательное. Но всякая партийность и кастовость мне абсолютно чужды. Годы идут, и я все более убеждаюсь, что прав. Александр Сергеевич Пушкин был совершенно точен, когда говорил, что критик должен судить о произведении по законам того жанра, в котором оно написано. И мерить одной меркой Жанну Агузарову и Александра Башлачёва бессмысленно.

— Кто из поэтов вам наиболее интересен — видимо, Пугачева?

— Да, она мне интересна, хотя мы с ней не общаемся последние пару лет. Судя по тому, что я вижу и слышу, мне кажется, она поскучилась. И выступает как-то уж очень парадно, декоративно и слишком предсказуемо. Но Пугачева безусловно самая интересная личность в нашей поп-культуре, рядом с ней я бы никого и не поставил.

— А кто-либо еще вам симпатичен?

— С точки зрения профессиональной есть, по крайней мере, один настоящий продюсер, который мне всегда интересен: Игорь Матвиенко. Мне всегда очень нравилась группа «Любэ» — это как раз то, что люди из моего рокерского окружения никогда не могли понять. «Иванушки Интернешнл» мне, естественно, нравятся значительно меньше. Тем не менее это вещь, хотя и совершенно не соответствующая сферобанной определенным коммерческим и социальным заказом, сделана способным человеком Матвиенко, а мне любопытно, каким образом он сумел вырваться в этом жанре.

— Это интерес профессиональный, но если говорить об этих людях как личностях — вы без них можете обойтись?

— Могу обойтись очень легко. Я даже думаю, что и без Аллы Борисовны Пугачевой обойтись могу, хотя, пожалуй, не хотелось бы.

— У вас вообще большая потребность в людях музыкального круга?

— Полагаю, что нет. Я боюсь, что у меня вообще нет особо большой потребности в людях. Мне интересно и достаточно находиться в самом узком кругу — то есть я, жена... Точка.

Беседовал
Алексей ЕРОХИН